

СЕКЦИЯ I
ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИИ

УДК 811.161.1:801.82

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ФОНАЦИОННЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. А. Алексеенко

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220083, г. Минск, Беларусь, alexeenko_hanna@mail.ru*

Статья посвящена вопросам языковой репрезентации фонационных невербальных компонентов в художественном тексте (на материале прозы А. П. Чехова). Автором исследования ставится задача выявления структурных элементов фонационной составляющей невербального поведения, проводится анализ языковых единиц, репрезентирующих данные элементы. Изучение множественности вариантов невербального поведения открывает перспективы в области исследования информативной концентрации и приращения смысла текста.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; фонационные невербальные компоненты; глаголы речевой деятельности; интонация; тембр; тон речи.

LANGUAGE REPRESENTATION OF PHONATION NON-VERBAL
COMPONENTS IN A LITERARY TEXT

H. A. Alexeenko

*Belarusian State Medical University,
Dzerzhinsky Av., 83, 220083, Minsk, Belarus, alexeenko_hanna@mail.ru*

The article deals with the language representation of phonation non-verbal components in a literary text (based on the material of A. P. Chekhov's prose). The author of the study sets the task of identification of structural elements of the phonation component of non-verbal behavior. The analysis of linguistic units representing these elements is carried out. Studying the multiplicity of nonverbal behavior options opens up prospects for research of the informative concentration and increment of the meaning of the text.

Keywords: non-verbal communication; phonation non-verbal components; verbs of speech activity; intonation; timbre; tone of speech.

Коммуникативное взаимодействие индивидов осуществляется с целью передачи информации, значимой для участников общения. Однако передача информации может осуществляться посредством различных знаковых систем, в связи с чем различают вербальную и невербальную коммуникацию. Анализируя акт коммуникации, необходимо выявлять соотношение вербальных и невербальных компонентов, особенности их внутренней организации, механизмы взаимодействия.

Невербальный компонент коммуникативного взаимодействия персонажей художественного произведения играет важнейшую роль в раскрытии внутреннего мира языковой личности, ее чувств, переживаний, сиюминутных эмоциональных реакций. Путем декодирования невербального коммуникативного поведения происходит осмысление духовного мира литературного героя во всей его сложности и многогранности [1, 2].

В художественных текстах представлен широкий спектр невербальных средств коммуникации: жесты, мимика, визуальный контакт, поза, положение тела, дистанция между коммуникантами, а также интонация, тон голоса, его тембр, темп и т. д. Особый интерес, на наш взгляд, представляют собой фонационные невербальные компоненты общения – «дополнительные по отношению к речевому звуковые коды, включенные в процесс коммуникации и способные передавать в этом процессе смысловую информацию» [3, с. 27]. К ним относятся паузация, темп речи, вокальные качества голоса, его тембр, логическое ударение, тон, интонация. Данные компоненты не являются речевыми единицами, однако представлены в каждом устном высказывании и в значительной степени организуют акт коммуникации.

Фонационные невербальные компоненты в художественном тексте представляют собой особую упорядоченную структуру. Центром этой структуры выступают маркеры речевого действия (различного рода речевые и неречевые глаголы, существительные звучания, вводящие и характеризующие речь персонажей) с примыкающими к ним конкретизаторами тембра, темпа и тона [4]. В совокупности эти структурные элементы определяют качества голоса, особенности произнесения звуков, дополнительные призвуки, изменения тона голоса, общего темпа речи и т. п. Проанализируем возможности языковой репрезентации данных структурных элементов на материале прозаических текстов А. П. Чехова.

Языковыми репрезентантами маркера речевого действия чаще всего выступают глаголы речевой деятельности. Обозначим несколько лексико-семантических групп этих глаголов, опираясь на классификацию, предложенную авторским коллективом «Толкового словаря русских глаголов». Так, в чеховской прозе широко представлена группа глаголов ха-

рактизированной речевой деятельности (басить, болтать, бормотать, бредить, бросать, ворчать, восклицать, выпаливать, гаркать, гнусавить, дребезжать, картавить, лепетать, протягивать, цедить, шептать и др.) с типовой семантикой «произносить что-либо как-либо, каким-либо образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-либо внутренние эмоциональные состояния» [5, с. 349]. «Конечно, это так...» – **пробормотал** я в сильном смущении, не вынося его ясных, невинных глаз (Моя жизнь). «Н-да-с, почтеннейший... – **пробормотал** мировой в раздумье. – С другой же стороны, если рассудить хладнокровно, то...» (Неприятность). «Тут нужны новые подметки», – **бредит** басом больной матрос (Гусев). Поклонись же, тебе говорю!» – **ворчал** он настойчиво (Анна на шее). «Ничего, ничего, брат Егор, ничего... – **забормотал** скороговоркой о. Христофор. – Ничего, брат...» (Степь). «Случается!» – невозмутимо прогнусавил Перегарин (Гость). Покойный тон фон Корена охладил доктора; он как-то вдруг пришел в себя, образумился, взял обеими руками Лаевского за талию и, отводя его от зоолога, **забормотал** ласковым, дрожащим от волнения голосом: «Друзья мои... хорошие, добрые... Погорячились и будет... и будет...» (Дуэль). «Я не могу больше...» – **забормотала** Кисочка голосом плачущей девочки (Огни). «Ну, чего воззрилась?» – сердито **прошептал** Савелий (Ведьма). «Ой, что ж это, батюшки? – **бормотала** она в ужасе. – Что ж это она кричит?» (В овраге).

Еще одну многочисленную группу составляют глаголы речевого общения (врать, добавить, договаривать, докладывать, заявлять, лгать, объявлять, объяснять, повторять, предлагать, провозглашать, продолжать, рассуждать, резюмировать и др.) с общим значением «сообщать адресату что-либо (какие-либо сведения, известия и т. п.) о ком-либо, чем-либо» [5, с.356]. «Ваше высокоблагородие, господа хорошие, – **добавил** он конфузливо, тоном ниже, – заря холодная, погреться бы... на полбутылочки с вашей милости» (Мужики). «И ежели с просоленными огурчиками...» – **добавил** Ребротесов тоном сердечного участия (Невидимые миру слезы). «Какое счастье!» – **повторила** Екатерина Ивановна с увлечением (Ионыч). Считая на счетах в комнате Матвея, он просил денег, говорил, что на Прогонной ему уже нельзя жить, и несколько раз **повторил** таким тоном, как будто собирался заплакать: «Куда же я пойду?» (Убийство). «Это... это что значит?» – **повторила** она тонким, обрывающимся от негодования голосом (Рассказ неизвестного человека). «Такая жизнь!» – **повторила** она с ужасом и нараспев, с тем южным, немножко хохлацким акцентом, который, особенно у женщин, придает возбужденной речи характер песни (Огни). «Верите ли, у меня осталось только восемь франков, – **продолжал** он, понижая голос, –

между тем, я должен послать жене сто и матери столько же» (Ариадна). «Но оставим, оставим это... – **продолжал** доктор торопливо. – Я вовсе не хочу упрекать тебя или делать сцену» (Супруга). «Вчера вы пришли, чтобы оскорбить меня и унижить, – **продолжала** она, возвышая голос, и лицо ее покраснело, и глаза вспыхнули ненавистью, – но воздержитесь, не делайте этого, Павел Андреич!» (Жена).

Помимо этого, в прозе А. П. Чехова представлены также глаголы речевого общения (возражать, обращаться, острить, отвечать, отзываться, переспрашивать, поздравлять, приглашать, просить, соглашаться, шутить и др.) с общей семантикой «разговаривать друг с другом о чем-либо, обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого, что-либо» [5, с. 367]. «Вы очень кстати пожаловали, – **обратился** он опять к гостю, – моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух» (Ионыч). «Какие все подлецы! – **острил** военный. – Так и норовят столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они сговорились» (Тоска). Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и **отвечает** хриплым, придушенным голосом, отчеканивая каждое слово, точно командуя: «Ваше высочородие, господин мировой судья!» (Унтер Пришибеев). На улице взад и вперед бегали овцы и блеяли; бабы кричали на пастуха, а он играл на свирели, хлопал бичом или **отвечал** им тяжелым, сиплым басом (Бабы). «Нет, к тебе! – **отвечала** она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. – Это не мои, а твои родственники!» (Дачники). Он подошел к Лаптеву и **поздравил** его почтительно, вполголоса: «Честь имею-с...» (Три года). «Так дай же мне сто рублей», – робко **попросил** Самойленко (Дуэль). «Да, да, вы правы, – живо **согласился** он. – Я, кажется, говорю вздор» (Рассказ неизвестного человека).

В качестве языковых репрезентантов маркера речевого действия также выступают глаголы речевого воздействия (божиться, взмолиться, грозить, допрашивать, зазывать, наброситься, нападать, обрывать, орать, приказывать, упрекать, хвалить и др.) с типовой семантикой «произносить что-либо каким-либо образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-либо, к совершению какого-либо действия» [5, с. 374]. «Пошли, Алеша!» – **взмолилась** генеральша (Лошадиная фамилия). «Я еще доберусь до тебя!» – **грозит** ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади (Хамелеон). «Где ты его взял?» – **допрашивал** чей-то бас (Ночь на кладбище). «Уходите, сделайте милость, и не беспокойтесь. Лежи, дьявол!» – **набросился** Федор на комика (Средство от запоя). «Браво! – **орет** медик. – Бла-а-родно! Браво!» (Скучная история). «По-

дай укус!» – **приказывал** он (Дуэль). Отец иерей после литургии **упрекает**: «Косноязычен ты, Ефим, и гугнив стал» (Хирургия). «Хорошая барышня», – **похвалил** дедушка (Красавицы).

В меньшей степени представлена группа глаголов обращения (величать, дразнить, звать, здороваться, называть, окликать и др.) со значением «обращаться со словами, устной речью к кому-либо, называть кого, что-либо какими-либо именами» [5, с. 372]. «Дедушка-а! – **дразнил** всё тот же голос за воротами. – Дедушка-а!» (В овраге). Его голове и бороде далеко еще было до седых волос, но он уж как-то невольно, сам того не замечая, снисходительно **величал** молодых людей «душа моя» и чувствовал себя как бы вправе добродушно журить их за образ мыслей (Огни). «Мамаша!» – **звал** он вполголоса (Моя жизнь). В городе, несмотря на резкость его суждений и нервность, его любили и за глаза ласково **называли** Ваней (Палата №6). «Кто идет?» – **окликнули** его у ворот грубым голосом (Случай из практики). «Василий Никитич!» – **окликнула** она не сразу, глухим голосом, как будто не веря своим глазам (Бабье царство).

Из неречевых глаголов в качестве маркера речевого действия чаще используются глаголы начала или окончания события, действия (начинать, кончить, прервать, заключить и др.) Беликов посидел молча минут десять и **начал**: «Я к вам пришел, чтоб облегчить душу» (Человек в футляре). «Какая хорошая!» – **начал** он немного погодя слабым голосом, точно больной (Бабье царство). «Тэк-с... – **процедил** сквозь зубы студент, когда инженер **кончил**. – Такие-то дела на этом свете!» (Огни). «Ты посиди здесь, – **кончил** он, – а я пойду и заочно решу» (Интеллигентное бревно). Машенька слушает со вниманием, но вдруг, по странной непоследовательности идей, находит нужным **прервать** меня: «Nicolas, поцелуй меня!» (Из записок вспыльчивого человека). «Завтра мы пойдем вместе и ты извинишься перед управляющим и пообещаешь ему служить добросовестно», – **заклучил** он (Моя жизнь).

Кроме того, маркер речевого действия может быть репрезентирован сочетанием существительного звучания (голос, вопль, рев, крик, визг, вой и др.) с глаголом. Мольбы скоро сменились визгом, а за визгом **последовал** душу раздирающий **рев**: «Дяденька, я не буду!» (О драме). «Но не виноват же я, Соня! – **вырвался** у меня **вопл**. – Как, право, глупо с твоей стороны!» (Оба лучше). Но не успели выпить и по чашке, как со двора **донесся** громкий, протяжный пьяный **крик**: «Ма-арья!» (Мужики). И как бы в ответ на мои мысли на дворе **раздался** отчаянный **крик**: «Ка-ра-ул!» (Моя жизнь). Едва он вошел туда, как **послышался** **крик**: «Как ты подаешь, порослячья морда?» (Убийство). «Господин защитник!» – **раз-**

дается резкий оклик (Сонная одурь). «Я, братец ты мой, еще лучшие случаи знаю», – *донесся хриплый бас из соседнего номера* (В номерах).

В ряде случаев маркер речевого действия сопровождается конкретизаторами тембра, тона и (или) темпа речи. В качестве конкретизатора тембра, как правило выступают наречия состояния (*угрюмо, настойчиво, невозмутимо, сердито, сурово, дерзко, конфузливо, почтительно, холодно, сухо, строго*) или существительные со значением состояния в Творительном или Предложном падеже (*в ужасе, в раздумье, в сильном волнении, в сильном смущении, в испуге, с раздражением, с увлечением, с ужасом, с тоской, с досадой, с остервенением, с ненавистью и со злобой*).

Конкретизатор тона репрезентируют сравнительная степень наречий (*тоном ниже, выше*), деепричастные обороты (*понижая голос, возвышая голос, возвысив голос*) либо существительные звучания в Творительном падеже в сочетании с определением (*ласковым, дрожащим от волнения голосом; тонким, обрывающимся от негодования голосом; умоляющим голосом; заискивающим голосом; хриплым придушенным голосом; глухим голосом; тоном сердечного участия* и т. п.).

Языковыми репрезентантами конкретизатора темпа речи выступают определительные наречия (*быстро, торопливо, живо, медленно, вяло, слабо, отрывисто*), деепричастия (*заикаясь, захлебываясь, растягивая каждое слово, отчеканивая каждое слово*), или существительные с темпоральной семантикой (*скороговоркой*).

Таким образом, наблюдение за невербальной организацией речевого общения персонажей художественной прозы является неотъемлемой частью познания их внутреннего мира во всей сложности и полноте. В художественном тексте представлены различные коммуникативные средства неязыковой природы, в том числе фонационные невербальные компоненты. Анализ фонационных невербальных средств как упорядоченной, целостной структуры позволил выявить организующие ее элементы: маркер речевого действия, а также конкретизаторы тембра, тона и темпа речи. Исследование языковой репрезентации этих структурных компонентов на материале прозаических текстов А. П. Чехова нацелено на декодирование множества смыслов, извлеченных из контекста невербального взаимодействия персонажей.

Библиографические ссылки

1. Бахаева Л. М. Особенности невербального общения как способы выражения неречевой коммуникации в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2. С. 586–588.

2. Ишмуратова С. Р. Функционально-коммуникативный анализ художественного текста: речевое поведение персонажей [Электронный ресурс] // Современ.

блемы науки и образования. 2015. № 1–2. URL: <http://www.science-education.ru/125-20197> (дата обращения: 20.03.24).

3. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

4. *Музычук Т. Л.* Структурно-семантическая организация и языковые средства выражения невербальной речи персонажа в эмоциональном диалоге художественной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2004.

5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.